

Но не зари плѣнялъ ее разливъ:
Тамъ—родина. Пѣвецъ и воинъ тамъ
Не разъ къ ей склонялися ногамъ.
Тамъ вольны дѣвы. Тамъ никто бы ей
Не смѣлъ сказать: «Хочу любви твоей!»

6.

Она должна съ покорностью нѣмой
Любить того, кто грозною войной
Опустошилъ поля ея отцовъ;
Она должна привѣты нѣжныхъ словъ
Затверживать, и ненависть, тоску
Учить любви святому языку,—
Младую грудь къ волненью принуждать
И страстью небывалой объяснять
Летучій вздохъ и влажный пламень глазъ.
Она должна... Но мщеніе будетъ часъ!

7.

Вечерній пиръ готовъ; рабы шумятъ,
Въ покояхъ пышныхъ блещетъ свѣтъ ламъ—
Въ серебряномъ ковшѣ кипитъ вино. [падъ,
Къ его пгрѣ привыкнувши давно,
Арсеній пьетъ янтарную струю,
Чтобъ этимъ совѣсть потопить свою...
И плѣнница, его встрѣчая взоръ,
Читаетъ въ немъ къ веселю приговоръ,
И ложная улыбка, громкій смѣхъ
Въ устахъ ея обманываютъ всѣхъ.
И, вѣря той улыбкѣ, восхищенъ
Арсеній, и литвинку обнялъ онъ;
И кудри золотыхъ ея волосъ,
Нѣжные иелка и душистый розъ,
Скатились прозрачной пеленой
На грубый ликъ, омѣченный войной.
Лукаво посмотрѣвъ, принявши видъ
Невольной грусти, Клара говоритъ:
«Ты любишь ли меня?»—«Какой вопросъ! —
Воскликнуть онъ:—Кто-жъ больше перенесъ
И для тебя такъ много погубилъ,
Какъ я?.. И твой Арсеній не любилъ?
Я—человѣкъ—я-бъ могъ обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя?..
О, шутками меня не искушай!
Мой адъ—среди людскихъ заботъ, мой рай—
У ногъ твоихъ... И если я не тутъ,
И если рукъ моихъ твои не жмутъ,
Дворецъ и плаха для меня равны!
Досадой дни мои отравлены.
Я непороченъ у груди твоей,
Суровъ и дикъ между другихъ людей!
Тебѣ въ колына голову склонивъ,
Я какъ дитя безпеченъ и счастливъ;
И теплое дыханье устъ твоихъ
Пріятнѣй мнѣ куреній дорогихъ!..
Ты рождена, чтобы повѣлѣвать:
Моя любовь то можетъ доказать.
Пусть я—твой рабъ, но лишь не рабъ судьбы!
Достойны ли тебя ея рабы?
Повѣрь, когда-бъ меня не создалъ Богъ,
Онъ ниспослать бы въ міръ тебя не могъ!»—

8.

«О, если-бъ точно ты любилъ меня,—
Сказала Клара, голову склоня:—
Я не жила бы въ теремѣ твоёмъ.
Ты говоришь: онъ—мой; а что мнѣ въ немъ?
Богатствомъ дивнымъ, гордой высотой
Очамъ онъ милъ, но сердцу онъ чужой.
Здѣсь въ роцѣ воды чистыя текутъ,
По рѣчку ту не Виліей зовутъ;
И вѣтеръ здѣсь, колеблющій траву,
Мнѣ не приноситъ пѣсни про Литву...
Нѣтъ, русскій, я не вѣрую любви!
Безъ милой воли—что дары твои?»
И отвернулася Клара, и укоръ
Изобразилъ ея прекрасный взоръ.
Недвижимъ былъ Арсеній близъ нее (нея)
И кромѣ воли отдалъ бы онъ все,
Чтобъ получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—идтъ.

9.

Но что за гость является ночью?
Стучитъ въ ворота сильною рукою,
И сторожъ, быстро пробудясь отъ сна,
Кричитъ: кто тамъ?—«Впустите! Ночь темна..
Въ долині бѣ буря свищетъ и реветъ,
Какъ дикій звѣрь, и тьмѣтъ небесный сводъ.
Впустите обогрѣться хоть на часъ,
А завтра... завтра мы оставимъ васъ;
Но никогда въ моленіяхъ своихъ
Гостепріимный кровъ стѣней чужихъ
Мы не забудемъ...» Стражъ не отвѣчалъ;
Но ключъ въ замѣтъ упрямомъ завизжалъ.
Объ доски тяжкій загремѣлъ затворъ;—
Расхлоннулись ворота—и на дворъ
Два странника въѣзжаютъ. Фонаремъ
Озарены, идутъ въ господскій домъ.
Широкій плащъ на каждомъ, и порой
Звенитъ и блещетъ что-то подъ полой.

10.

Арсеній приглашаетъ ихъ за столъ
И съ ними рѣчь привѣтную завелъ;
Но странники, хоть имъ владѣлецъ радъ,
Не много пьютъ и меньше говорятъ.
Одинъ изъ нихъ еще во цвѣтѣ лѣтъ,
Другой, согбенный жизнью, худъ и сѣдъ.
И по рѣчамъ замѣтно, что привыкъ
Употреблять не русскій онъ языкъ.
И младшій гость по виду былъ смѣлѣй:
Онъ не сводилъ пронзительныхъ очей
Съ литвинки молодой, и взоръ его
Для многихъ бы не значилъ ничего...
Но видно ей когда-то былъ знакомъ [ломъъ,
Тотъ мрачный взоръ, подъ пасмурнымъ че-
Иль что-нибудь онъ ей о прошлыхъ дняхъ
Напоминалъ,—какъ знать! Не женскій страхъ
Ее заставилъ вздрогнуть и вздохнуть,
И голову поспѣшно отвернуть,
И бѣлою рукою закрыть глаза,
Чтобъ измѣнить не смѣла ей слеза...